

Миллионер, похожий на Винни-Пуха

Во имя правдоподобия своей исторической повести «Модэ» Владислав Пасечник забирался в дебри горной тайги Чуйского хребта. В одиночку

Ирина КЛЕПИКОВА

По приглашению журнала «Урал» в Екатеринбурге побывал молодой писатель из Барнаула Владислав Пасечник. Его повесть «Модэ» опубликована в февральском номере «Урала» за 2012 год. А до этого автор стал победителем конкурса «Дебют» – получил 1 миллион рублей и договор на издание книги.

Трогательно было видеть, как «миллионер» тусуется от внимания читателей, как, подетски смущаясь, чистит апельсин – представляя своих «февральских» авторов, журнал вручал каждому апельсин. Как яркий восклицательный знак. Вполне оправданный, кстати: тот же В. Пасечник с повестью «Модэ» стал настоящим сорпризом в литературном сообществе России.

– Владислав, не хочется банальностей вроде «наутро проснулся знаменитым». Тем не менее... Вас показали по телеканалу «Культура». Вы вышли на сцену и получили награду, которую сами же называете «птицей счастья» для молодых. Жизнь изменилась?

– Сейчас что бы я ни начал писать, преследует вопрос: будет ли это хорошо? Не окажется ли, не дай Бог, хуже того, что получило признание? А с позиции постоянной внутренней критики работать сложнее...

– Сколько вам лет, что у вас такие рефлексии по поводу себя?

– Неполных 24. По профессии – культуролог. Сейчас – аспирант филологического факультета Алтайского университета. С детства интересовался мифологией, древней историей. Даже сочинял небольшие сказки.

– Но победили-то в номинации «Крупная проза». Более того, как объявило жюри, главным критерием «Дебюта» были «не только талант и перспективность, но и самостоятельность автора, его творческая свобода от литературных трендов». Молодые предпочитают эксплуатировать актуальные сюжеты, а вы вдруг ударились (удалились?) во времена татаро-монгольского ига.

– Не «вдруг». Студентом не одно лето провёл в археологических экспедициях. Добровольно, не «для практики». Один раз работали на некро-

поле бронзового века недалеко от Гилевского водохранилища, в другой – целый месяц «копали» Пазырыкские курганы, на берегу Катуня.

Археологи не любят фантазий по поводу своей работы. Вместе с тем раскопка курганов, изучение их содержимого – единственная возможность представить себе образ жизни далёких предков. И как тут без фантазии, когда вокруг тебя – останки, которым больше двух тысяч лет, когда в руках – прах древних?! Это иное ощущение жизни! И я записывал свои впечатления...

Личностью Модэ, основателя империи Хунну, заинтересовался, когда прочёл о нём у Льва Гумилёва в книге «История народов Хунну». Модэ оказал большое влияние на Китай, вообще – на всю Азию. Хотя в повести он единственный подлинный исторический персонаж. Больше рассказывает об исчезнувшем степном народе юэцзи, который отождествляется с пазырыкской культурой, визитной карточкой Алтая. Это своего рода сибирская Атлантида, а ведь всё это, образно говоря, было у меня под лопатой...

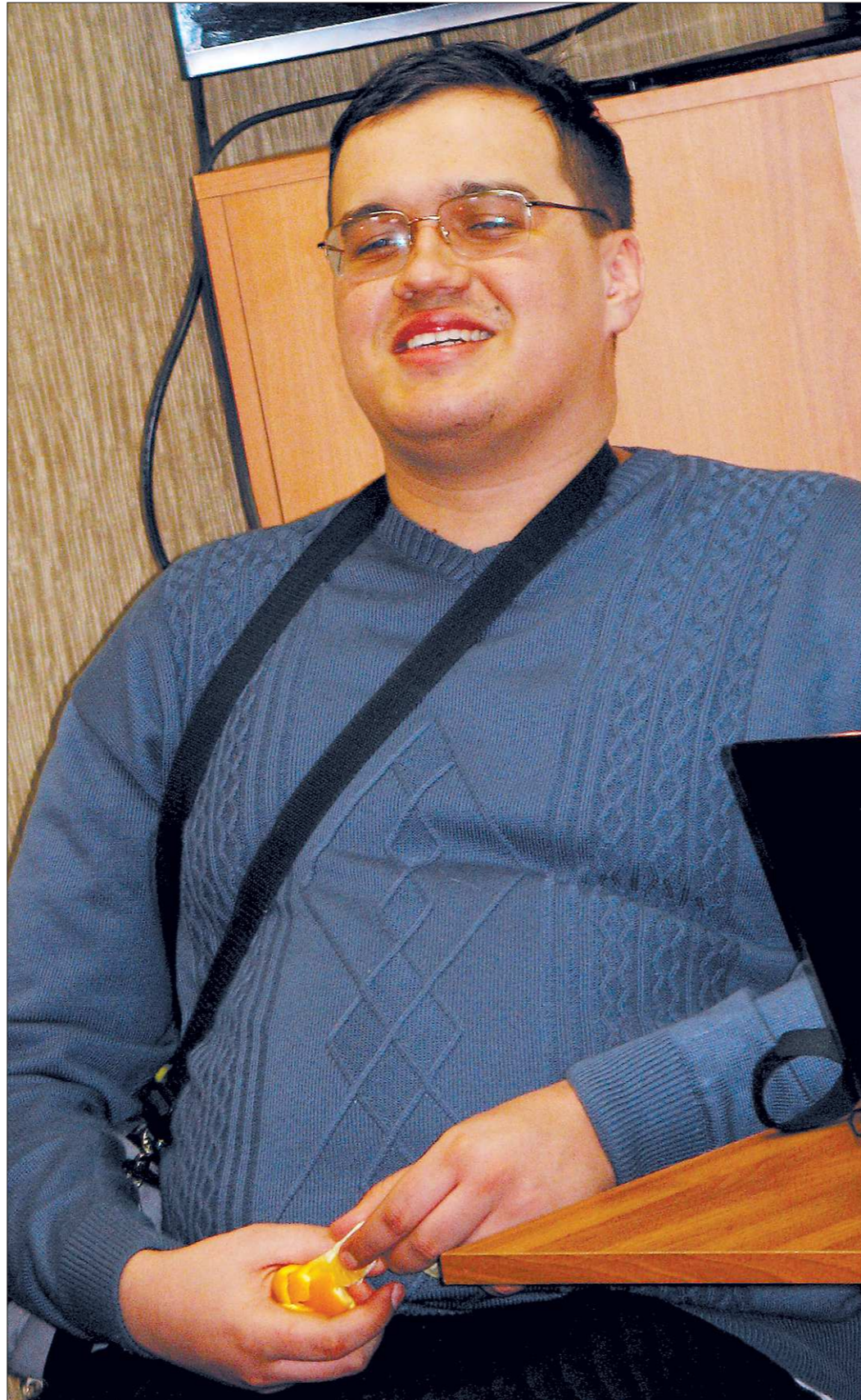
Гумилёв обратился к образу Модэ в связи со своей идеей пассионарности, меня же пассионарный человек – рискованный, предприимчивый, из тех, что «за ценой не постоим», – заинтересовал особенно после того, как однажды на Горном Алтае я увидел мальчишек на неоседланных лошадях. Лошадь невзнуздана, без седла. На пацанах – рваные трико. И это – такая воляница в степи!

– И как же соединились исторический Модэ и молодые степники, почти ваши сверстники?

– В повести честолюбивый правитель, объявившийся в степи 2300 лет назад, начинает ломать всё «под себя», мир терпит крах. Но несколько мальчишек – из народа юэцзи – вдруг стали сопротивляться силе, которая способна раздавить их...

Кстати, год назад я заявил рассказ на эту тему на семинаре молодых писателей в Старой Руссе, и там на рассказ никто не обратил внимание. В лучшем случае – сочувствующие реплики: «А, Модэ?! Как это вы замаяхнулись?» или «Надо укрупнить изложение».

Вот я и «укрупнил». Написал повесть, послал на премию «Дебют», и она неожиданно

Апельсин от «Урала» – для души, миллион от «Дебюта» – на издание книги

для меня вошла сначала в лонг-лист, потом – в шорт-лист...

– Почему «неожиданно»? Посылая повесть на конкурс, вы явно рассчитывали – на внимание? На победу?

– Но были и большие сомнения: практически с нуля при-

шло создавать мир юэцзи, так как от него остались одни только кости. С одной стороны – легко, фантазируй! С другой – колоссальная ответственность: юэцзи должны быть правдоподобны, похожи на реально существовавших людей.

– В редакции «Урала» вы рассказывали, что специально для этого предпринимали вылазки в тайгу за 40-60 километров от жилья...

– Да, и это вовсе не то, что студенческая археологическая практика. Каждый год коплю

КСТАТИ

«Дебют» – одна из главных российских литературных премий для молодых. Учреждена в 2000 году Гуманитарным фондом «Поколение». По некоторым данным, ежегодно на «Дебют» присылается около 60 тысяч работ.

В этом году изменён формат конкурса – верхняя планка возраста участников была повышена с 25 до 35 лет. В лонг-лист вошло 100 произведений. В шорт-лист – по три в каждой номинации.

деньги и летом ухожу в черную тайгу. Знакомые смотрят как на сумасшедшего. А я убеждён: нельзя писать, не приблизившись к миру, о котором пишешь. Зато сегодня я знаю, что такое солёное озеро, что такое – оказаться в тайге одному с лошадью, подвернувшей ногу... Когда такое случилось, я почувствовал реальную близость к древним кочевникам.

– На семинаре молодых рассказ о Модэ мало кого впечатлил. Но кто-то же заинтересовался им, раз вы продолжили работу?

– Да никто! Даже мой литературный наставник поэт и прозаик Валерий Котеленц, у которого в литературной студии я занимаюсь уже несколько лет. «Модэ» он разнёс в пух и прах и сказал: «Только попробуй опубликовать!».

– И вот «Модэ» опубликован и даже увенчан...

– Наверное, остальные были ещё хуже! – прокомментировал мой учитель. Но, вообще-то, я ему очень благодарен. После его критики я ведь трижды переделывал «Модэ». Во-вторых (а, может, в первую очередь) он открыл мне авторов, которые ставили во главу угла работу со словом. Олеша, Плутон, Зощенко, Бабель, Паустовский, Булгаков... Язык у них настолько сочный, что сам по себе создаёт произведение. И рубленый, корявый слог Платонова, и излишне витиеватый арабск Олеси, и искристая ироничная игра Булгакова.

– Правда, что, работая над «Модэ», вы читали «Белую гвардию» Булгакова? Зачем?

– Те же ощущения. Ситуации похожие. Булгаковские герои – люди на отшибе истории. Они знали, что обречены на гибель, что через месяц их сметёт, но – жили! И древние жили с ощущением обречённости. Надеюсь, понимание этих ощущений (чему способствовали и литература, и собственный опыт) помогли и в создании «Модэ».

Классика на слух. И взгляд

Детский писатель Анна Игнатова узнала и полюбила «Мастера и Маргариту»... в исполнении своего отца

Сергей КАМЫШЕВ

Содружество детских писателей, пригласившее на Урал Анну Игнатову из Санкт-Петербурга, знает о многих неписательских «подвигах» своей коллеги: скалолазание, спортивное ориентирование, походы на байдарках. При первом знакомстве уральских читателей с Анной открылось ещё одно – мастерство пластилиновых миниатюр, иллюстраций к её собственным книгам. Однако разговор возник вообще по другому поводу – после того, как Анна случайно оговорила, что до сих пор читает своему сыну на ночь, хотя Косте уже... 15 лет!

– Да! И все наши друзья уже знают: с 10.30 до 11 вечера меня к телефону звать нельзя. Это «святыне полчаса»: я читаю вслух, а сын, подперев щеку, лежит и слушает. Он с детства любил, когда я изображала героев книги интонацией, мимикой. «Мама, «ехидно улыбнулась» – это как?». Я показывала. Со временем менялось чтение – менялись и акценты в звучащем слове. Читаем, например, «Мёртвые души», эпизод, когда Чичиков просыпается у Коробочки и видит за окном индюка, который залопотал что-то по-своему. «Чичиков сказал ему дурака» – фраза Гоголя. «А что это значит, – заинтересовывается Костя, – «сказать дурака» или «послушать чёрта?»». Начинаем разбираться во фразеологизмах, а они у Гоголя – средства выразительности...

Общению с юными читателями помогают и неожиданные – из пластилина! – иллюстраци- миниатюры Анны Игнатовой к её собственным книгам

– Сегодня и малышам-детям редко читают вслух, перепоручив компьютеру знакомить их с литературой...

– А мне отец читал до первого курса! Последней нашей общей книгой была «Москва. 2042» Войновича. Дальше я из-за занятий приходила поздно – отец уже засыпал. Но читал он очень хорошо. Во всяком случае мне так казалось – может быть, оттого, что чувствовалось: он хотел, чтобы я по-

любила эту книгу. «Мастера и Маргариту» до сих пор воспринимаю, помню в папином исполнении. Бегемот – это то, как говорил папа. Коровьев – тоже. И даже («смеётся») Александр Абдулов ему не конкурент...

– Судя по всему, в папином исполнении вы не только помните, но и любите «Мастера и Маргариту»? Сегодня выходит много аудиокниг: Художественное слово способно вернуть интерес россия-

к литературе, что объявлено Владимиром Путиным даже национальной идеей? Классика в актёрском исполнении – достойный эквивалент?

– Эквивалент – это заменить. По мне, аудиокнига – хорошее дополнение (к домашнему чтению). В машине, в дороге – да! Я сама на последней Московской книжной выставке купила несколько аудиодисков: рассказы моего любимого Аркадия Аверченко, «Евгения

«Вкусные» краски, вкусно звучащий текст...

Онегина» в исполнении Гафта... И мы с Костей с удовольствием прослушали «Онегина» (кстати, я при этом сидела и лепила свои миниатюры).

Но домашнее чтение – особый градус доверительности с детьми. Родители многого лишают себя и детей, отказываясь от этого. Потом жалуются на «переходный возраст» своих чад, проблему «отцов и детей». А ведь общие эмоциональные переживания – когда люди вместе плачут или вместе смеются – объединяют. Видели бы вы, как мы с Костей рыдали над книгой Астрид Линдгрен «Эмиль из Леннеберги» – я даже больше! Помните, как мальчик один, по снегу, добирался в больницу, тащит повозку... У меня сейчас голос дрожит. А тогда сын меня утешал. В нём вдруг пробудились взрослые чувства: маму надо беречь, она вон какая ранимая... Книга делала его старше.

– Но я-то другой «воспитательный момент» имел в виду. Что греха таить, сегод-

ня даже уроки литературы в школе, призванные увлечь Литературой, иногда превращают её в каторгу.

– Да, потому что преподают не литературу, а историю литературы: когда писатель первое произведение написал, когда – последнее. До текстов, признают сами учителя, дело не доходит. С текстом молодой человек остаётся один на один. И те же «Мёртвые души» в таком варианте способны превратиться в каторгу. Ребёнок, всем визуальным окружением (ТВ, компьютер, реклама) натренированный на быструю смену «картинки», не понимает, зачем эти долгие гоголевские описания, зачем в чичиковских путешествиях «как-то тараканы или поросята с хреном». В лучшем случае у него нетерпение: когда же автор перейдёт к делу? В худшем – оставит книгу. А вот чтобы не оставил – и может помочь звучащее Слово. Вкусно звучащее...

Хотите книгу? Принесите iPad

На Урале впервые вышла в свет настоящая электронная книга для iPad. «Бука сама боится» – сказка Ольги Колпаковой, но электронная версия для iPad означает, что книгу можно не только читать.

Персонажи сказки, нарисованные художником Светланой Прокопенко, оживают благодаря другому художнику – Григорию Мартыненко и программисту Марату Шорникову, а текст можно даже прослушать. Более того – каждое произнесённое слово высвечивается в тексте, так что по книге можно учить ребёнка читать.

– Про непослушную, но милую Буку у меня цикл сказок, – говорит О. Колпакова, которая известна как автор двух десятков познавательных книг, один из сценаристов программы «Спокойной ночи, малыши!». – В сказках – портрет самого обычного ребёнка с привычным набором проблем: он капризничает, ленится, скучает, жадничает, боится. Мы подсказываем родителям нестандартные выходы, которые очень понравятся ребёнку и помогут родителям лучше понять своё чадо...

Электронную «Буку» создало издательство «Генри Пушеть» (Екатеринбург), которое в прошлом году при поддержке областного министерства культуры и туризма выпустило бумажную версию этой книги О. Колпаковой. На презентации электронной «Буки» любой желающий мог получить бесплатно электронную сказку. Для получения подарка важно было только иметь с собой iPad.

Марина АЛЁШИНА

Играем по Чёрному

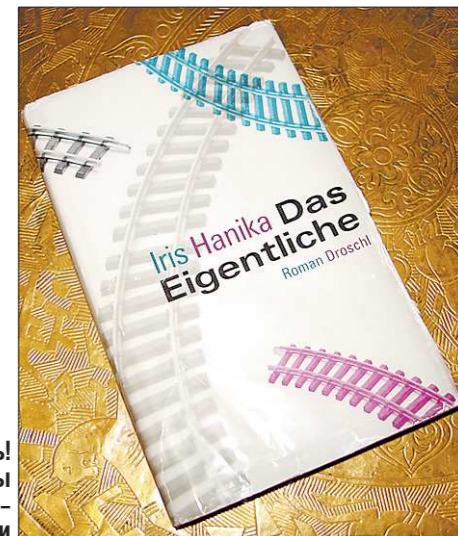
Поэтические спектакли сегодня – большая редкость. На малой сцене Нижнетагильского драматического театра в этом сезоне играют спектакль по стихам Саши Черного.

Артист театра Тимофей Дунаев объединил стихи разного периода одного из изысканнейших русских поэтов Серебряного века в постановку «Весь мир одна большая коммуналка». И на сцене, которая в двух шагах от первых рядов зрителей, – классическая коммунальная квартира, в которой собралась женщина, эффе́ктная во всех отношениях, и измученная прачка, надломленный неврастеник и человек труда... Общаются они меж собой, создавая удивительные переплетения, исключительно стихами Александра Гликиберга, известного миру как Саша Черный.

Можно предпринять отнесение к форме спектакля, стилистика которого не совсем соответствует эстетике творчества поэта, уехавшего в гражданскую войну из России и не испытывавшего всей прелести коммуналки. Но это не мешает наслаждаться самими стихами – детскими, лирическими, сатирическими – такими тонкими, точными, страстными, такими... страшными. Главные артистами и режиссером достигнуто – вернувшись домой, хочется взять книгу и перечитать их.

Наталья ПОДКОРЫТОВА

Осталось дожидаться перевода на русский

Книга Ирис Ханика «Das Eigentliche» ещё не переведена. В России экстренно перевели лишь несколько отрывков, чтобы автор смогла представить роман. В Екатеринбурге впервые прозвучало по-русски его название – «Сущностное».

– Подростком я боялась ехать за границу, – предварила Ирис своими воспоминаниями Литературные чтения в Музее писателей XX века. – Мне казалось, меня просто изобьют где-нибудь, ведь после Второй мировой войны немец для всех был варваром. Ситуация изменилась недавно: мы, немцы, перестали жить с ощущением вины...

Место действия в романе – Институт обработки исторического прошлого. Главный герой – архивариус. Основываясь на фактах Истории, собственных ощущениях, он пытается определить меру вины и покаяния. Последняя – больше!

На встрече с читателями книга И. Ханика вызвала дискуссии с многочисленными «за» и «против». Но главный профессиональный литературный вопрос прозвучал от уральского писателя Ф. Вибе: «Не знаю, смог ли бы я начать писать книгу, не видя свет в конце тоннеля?».

Ирина КЛЕПИКОВА

В музее Ирис Ханика заинтересовалась футуристами. «Futurum» по-немецки – будущее. О нём – книга самой Ирис